

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Хломов К.Д.

Кибербуллинг: опыт российских подростков

Москва 2019

Аннотация. Агрессивное поведение среди подростков в последние годы активно развивается в интернет-пространстве (как в России, так и за рубежом), в связи с чем растет необходимость изучения форм, распространенности, причин и последствий кибербуллинга и разработки мер его пресечения и профилактики в рамках психолого-педагогической работы. В статье приводятся результаты исследования опыта встреч российских подростков с эпизодами травли в интернете. Анализируются распространенность эпизодов кибербуллинга, эмоциональные и поведенческие реакции участников по данным самоотчета, возрастные и гендерные различия, а также моральная оценка кибербуллинга подростками. Обсуждаются исследовательские и прикладные перспективы психологической работы в сфере интернет-безопасности подростков.

Ключевые слова: кибербуллинг, буллинг, подросток, интернет, онлайн-риски, агрессия

Хломов К.Д., старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории когнитивных исследований факультета психологии, ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2018 год

Интернет плотно вошел в повседневную жизнь людей, предоставив пространство для продолжения почти всех видов деятельности. Если некоторое время назад можно было четко разделить среду на «виртуальную» и «реальную», то сейчас это различие не представляется уместным: смартфоны, публичные информационные системы, образовательные платформы онлайн, переговоры с использованием голосовых и видео-интернет-сервисов, интернет-магазины и т.д. позволяют постоянно комбинировать онлайн и оффлайн активность в повседневной деятельности. Уже в 2013 году отмечалось, что 89% российских подростков пользовались интернетом ежедневно, в будни в интернете от 3 до 8 часов проводили 37 % подростков, в выходные — 47 %, занимаясь разговорами через чаты, мессенджеры и социальные сети (Солдатова и др., 2013). По данным исследования Google и Ipsos (2016), ежедневно используют интернет 65% россиян, а в возрастной группе 13-24 года доля ежедневно использующих интернет составляет 98%, причем наиболее посещаемые ими ресурсы – страницы и приложения социальных сетей, игры и онлайн-игры, а также размещенный в интернете видеоконтент (Google, 2016). По данным их отчета, «27% россиян 13-24 лет проводят в социальных сетях более 5 часов в день, а четверть из них проверяют обновления каждые 30 минут». В силу такого активного использования интернет-пространства подростками все большую значимость приобретают темы пользовательской компетентности подростков и профилактики сопутствующих рисков. В США 95% подростков активны онлайн, из них подавляющее большинство имеют доступ к интернету в своих мобильных девайсах, используя его, чтобы выполнять школьные задания, быть на связи с друзьями, играть, читать новости о знаменитостях, делиться своим творчеством и пр.; круглосуточное присутствие в сети делает подростков уязвимыми к травматизации и виктимизации через интернет. Одним из наиболее серьезных психологических рисков, связанных с активностью в интернете, является встреча с кибербуллингом. Кибербуллинг определяется как целенаправленный и повторяющийся вред, наносимый с использованием компьютеров, сотовых телефонов и других электронных девайсов. Некоторые подростки решают использовать интернет-пространство для того, чтобы угрожать и наносить другим вред, и когда взрослые бездействуют, эти подростки чувствуют себя безнаказанными, потому что их сложно идентифицировать и еще сложнее наложить на них санкции. В основном речь идет о ситуациях, когда подростки используют современные технологии для того, чтобы пугать, притеснять, унижать или иным способом вызывать беспокойство у сверстников: рассылая обидные письма; распространяя сплетни; создавая веб-страницы, видео и профили в социальных сетях, чтобы над кем-то посмеяться; делая фотоснимки там, где

люди рассчитывают на уединение, и распространяя их онлайн; без разрешения снимая и загружая в сеть видеоматериалы; используя анонимные приложения для унижения и разрушения достижений игроков в игровых сетях и пр. (Cyberbullying: Identification, Prevention, & Response, 2018).

Обсуждая сходство буллинга и кибербуллинга, следует отметить в первую очередь систематичность, целенаправленную агрессивность, неравенство в положении преследователя и жертвы, а также структурную комбинацию «агрессор-жертва-свидетели» (Kowalsky, Limber, Agatston, 2011). Однако по сравнению с «традиционным» буллингом кибербуллинг имеет ряд значимых отличий.

– **Анонимность и отсутствие обратной связи.** Пусть иллюзорная, но анонимность повышает уверенность в себе агрессора и усиливает беспомощность того, кто оказался в роли жертвы, так как помимо прочих переживаний он оказывается захвачен вопросом о том, кто же является его преследователем. С анонимностью связан феномен растормаживания (disinhibition) и моральной отстраненности (moral disengagement): люди, считающие, что находятся в ситуации анонимности, позволяют себе вести себя более агрессивно, чем когда они знают о том, что не анонимны. Если очная травля имеет, как правило, грань, которую внутренне определяет тот, кто ее инициирует (например, «довести до слез»), то при отсутствии информации об эмоциональном состоянии другого у тех, кто оказался в роли агрессора и жертвы, такая грань оказывается недоступной, и агрессору сложнее остановить себя, поскольку тот, кого он преследует, рассматривается не как конкретный человек, а скорее как абстракция.

– **Непрерывность.** В отличие от локализованной «традиционной» травли (например, в школьном дворе), при всеобщем круглосуточном подключении к интернету и кибербуллинг становится круглосуточным. Кроме того, возможна ретравматизация того, кто оказался в роли жертвы, связанная с возможностью перечитывания агрессивных посланий или повторными публикациями унижительных и порочащих материалов.

– **Неограниченное количество свидетелей.** Количество просмотров, «лайков», комментариев указывает на масштаб вовлеченных в ситуацию кибербуллинга свидетелей, однако для того, кто стал жертвой, зачастую неизвестно, видели ли, например, унижительный видеоролик или опубликованную переписку его близкие друзья или родители. Напряжение от неизвестности и стыд делает переживания в связи с кибербуллингом еще более невыносимыми.

– **Интернет как гарант поддержания отношений со сверстниками.**

Онлайн-коммуникации так важны для современных подростков, что потеря возможности общаться через социальные сети для них равносильна социальной изоляции, и они предпочитают держать небезопасные ситуации в секрете, защищая свою возможность общения в интернете и опасаясь, что встревоженные родители лишат его доступа к интернету или гаджетов.

– **Специфика рисков в интернете.** Ответственность подростка за свою безопасность в повседневной жизни и опыт правильного поведения вне интернета не гарантирует его безопасное поведение в сети. Навыки самостоятельности и ответственности важны и отчасти могут быть экстраполированы на интернет-пространство, но в нем содержатся специфические риски, о которых ребенок, по возможности, должен быть предупрежден и обучен способам конструктивного реагирования в случае возникновения небезопасных ситуаций.

Кибербуллинг происходит на различных интернет-площадках, в основном там, где собираются подростки. Как пишут Hinduva, Patchin (2018), в начале 2000-х годов многие дети проводили время в чатах, которые стали местом наибольшей распространенности преследования; в настоящее время молодежь активно вовлекается в различные социальным медиа (Instagram, Snapchat, Twitter) и сайты обмена видео (например, YouTube), соответственно, растет количество эпизодов кибертравли на этих ресурсах; тот же процесс происходит с портативными игровыми устройствами, в играх с дополненной реальностью и виртуальной реальностью, на сайтах социальных игр и в разнообразных быстро сменяющих друг друга приложениях.

Последствия кибербуллинга для того, кто оказался предметом преследования, включают в себя множество негативных переживаний - грусть, злость, фрустрацию, депрессию; подросток может бояться или смущаться идти в школу; есть связь между кибербуллингом и снижением самооценки, проблемами в семье, проблемами с успеваемостью, насилием в школе и разными формами делинквентного поведения; наконец, подвергшиеся кибербуллингу юноши и девушки сообщают о суицидальных мыслях, и известен ряд случаев в разных странах, когда подростки совершали суицид после того, как подверглись кибербуллингу (Hinduva, Patchin, 2018). Помимо связи между положением жертвы кибербуллинга и такими последствиями, как депрессия, самоповреждение, суицидальные наклонности и попытки самоубийства, существует зависимость между кибербуллингом и низкой успеваемостью детей и подростков, трудностями с учебной в школе, агрессивным поведением, сложностями в общении со

сверстниками, случаями небезопасного секса и употреблением психотропных веществ (Отчет ВОЗ). В то же время исследования травли вне интернета указывают на то, что с негативными последствиями травли сталкиваются не только те, кто оказался в роли ее жертвы, но и те, кто занимал позиции агрессоров или свидетелей (Бочавер, Хломов, 2013). Мы можем предполагать, что, по аналогии, частое свидетельствование непрекращаемой травли в интернете может вести к росту тревоги, снижению эмпатии, переживанию небезопасности среды и собственной беспомощности у пользователей, а активное использование кибербуллинга как стратегии поведения может также, по аналогии, сопутствовать снижению ответственности, эмпатии, склонности трансформировать любые отношения в отношения неравенства и предпочтению агрессивных и социально неприемлемых тактик разрешения сложных ситуаций и совладания с собственной тревогой и другими негативными переживаниями.

Если говорить об основных тенденциях изучения кибербуллинга в мире, то основной массив исследований посвящен четырем темам: оценке распространенности кибербуллинга; гендерным различиям; сходству и различиям кибербуллинга и «традиционного» буллинга; последствиям виктимизации онлайн (Bauman, Bellmore, 2015). В частности, оценки распространенности кибербуллинга сильно различаются в зависимости от возраста респондентов и того, какое определение кибербуллинга используется: в связи с тем, что эта область исследований еще очень нова, определения достаточно размыты, и в разных работах одни и те же явления могут классифицироваться по-разному. С другой стороны, проблематичной является тема регулярности: когда подсчитываются уникальные эпизоды агрессивного поведения, их учитывают как кибербуллинг, хотя часто речь идет не о систематическом преследовании конкретных детей, а о разовых оскорблениях или, например, негативных комментариях, то есть скорее некорректном, грубом поведении подростков в интернете, но не о кибертравле. Ряд исследователей предлагают рассматривать явление кибербуллинга через триаду «Преследователь – жертва – наблюдатель», обозначая ведущую роль этой самой многочисленной группы в ситуации кибербуллинге. При этом роль этой группы не достаточно изучена и представлена и в онлайн-буллинге (Price et al., 2014, Bastiaensens et al., 2014, Федунина Н, 2015.).

Hinduya, Patchin (2018), опрашивая школьников, спрашивают их о ситуациях, когда кто-то «неоднократно высмеивает другого человек онлайн, неоднократно досаждают другому через электронную почту или текстовые сообщения или публикует онлайн о другом человека что-то такое, что ему не понравится». Среди американских школьников

при таком определении около 28% сообщают о том, что становились жертвами кибербуллинга в какой-то момент своей жизни, около 16% признаются, что сами занимались кибербуллингом; в наиболее новом исследовании, в котором приняли участие 5700 учеников средней и старшей школы, 33,8% сообщали о том, что подвергались кибербуллингу, и 16,9% сообщали о том, что это происходило с ними в последние 30 дней. 11,5% респондентов признались в том, что сами занимались кибербуллингом, и 6% делали это в последние 30 дней. По данным по США A.Lenhart и др. 2011 года среди подростков, использовавших социальные медиа, 12% сообщали о том, что часто сталкивались с тем, что кто-то был груб или жесток к другому в социальной сети, 29% - иногда, и 47% - однажды (Lenhart et al., 2011). Американское исследование 2017 года, проведенное той же организацией, показало, что на протяжении года онлайн-харассменту в каких-либо формах подвергались 41% американцев, а в группе 18-29 лет эта доля достигла 67% (Anderson, 2017). В отчете Фонда развития Интернет за 2013 год говорится о том, что практически каждый третий подросток за год использования интернета сталкивался с коммуникационными рисками, среди которых лидирует кибербуллинг: каждый четвертый подросток указал, что за последний год сталкивался с оскорблениями, унижениями или преследованием в сети (Солдатова и др., 2013). По данным исследования Microsoft 2012 года в России 49% детей в возрасте 8-17 лет сообщали о том, что подвергались в сети буллингу или другим формам обращения, имеющим негативные последствия (для сравнения, средний показатель по 25 другим обследованным странам составляет 37%), в том числе 27% столкнулись с грубым и недружелюбным обращением, 20% подвергались насмешкам или их дразнили, 24% подвергались обзыванию. 67% детей сообщили о том, что они знают о буллинге онлайн, 34% испытывают беспокойство в связи с этой темой (Microsoft, Online Bullying Among Youth 8-17 Years Old – Russia. 2012). По данным ЮНЕСКО, от 9 до 21 % детей и подростков из индустриализованных стран подвергаются кибербуллингу, причем девочки подвержены этому риску чаще мальчиков (UNESCO, 2017). В отчет ВОЗ сообщает о том, что в РФ среди 11-летних 11% девочек и 8% мальчиков становились жертвой кибербуллинга не меньше 2-3 раз за месяц; среди 13-летних - 6% и 8%, среди 15-летних 5% и 7%, соответственно (Отчет ВОЗ).

Подростки особенно уязвимы к кибербуллингу, поскольку в силу особенностей возраста они не склонны обращаться за поддержкой к родителям, очень чувствительны к стыду, недостаточно опытны, чтобы распознать опасные ситуации заранее. Кейсы обращения за психологической помощью указывают на то, что подростки чаще более взрослых пользователей оказываются жертвами шантажа в социальных сетях и других

форм киберпреследования; нередко о фактах кибербуллинга становится известно только после трагических последствий и широкой огласки конкретного случая. Кибербуллинг может быть и малозаметным для внешнего наблюдателя, поскольку подобные эпизоды происходят также в закрытых группах и чатах. Все это побуждает к тому, чтобы уделять больше внимания пользовательскому опыту детей и подростков и как источнику данных для исследований, и как субстрату для развития рефлексии и формирования этической позиции ответственного пользователя интернета, что работает на повышение безопасности русскоязычного интернета в целом, и снижение риска кибербуллинга в частности.

Методы и выборка

Исследование проводилось в 5 общеобразовательных организациях города Москвы. В качестве респондентов выступали обучаемые 5-9 классов в возрасте от 11 до 16 лет (средний возраст 13,3 года). Всего в исследовании приняло участие 294 человека (юношей 46,0%). Доверительный интервал составляет $\pm 5,7\%$ при $p=95\%$.

Для проведения опроса использовалась модификация анкеты «Cyberbullying and Online Aggression Survey Instrument» (Hinduja, Patchin, 2015).

Анкета включала в себя рабочее определение кибербуллинга для подростков («Кибербуллинг (травля в сети) – это ситуации, когда кто-то регулярно преследует, оскорбляет кого-то или насмехается над кем-то онлайн или используя мобильные телефоны и другие электронные устройства»), и 10 вопросов, направленных на выявление опыта встреч респондентов с эпизодами кибербуллинга из ролей свидетеля, жертвы и агрессора, и типов эмоционального и поведенческого реагирования на эти ситуации. Кроме того, подростков просили описать запомнившуюся ситуацию, связанную с чьим-то агрессивным поведением онлайн («что происходило, с чего началось, чем закончилось, и кто как себя вел»), сформулировать объяснение, как они думают, почему некоторые люди ведут себя в сети очень агрессивно, оскорбляют кого-то, преследуют и выразить собственное отношение к кибербуллингу.

Результаты и их обсуждение

Распространенность и формы

Полученные результаты показали, что встречи с ситуациями кибербуллинга являются элементом повседневного опыта современных московских школьников: около 72% подростков сообщили о своих встречах с ним, и только 28,4% респондентов сообщили, что не сталкивались с этим явлением (рисунок 1).

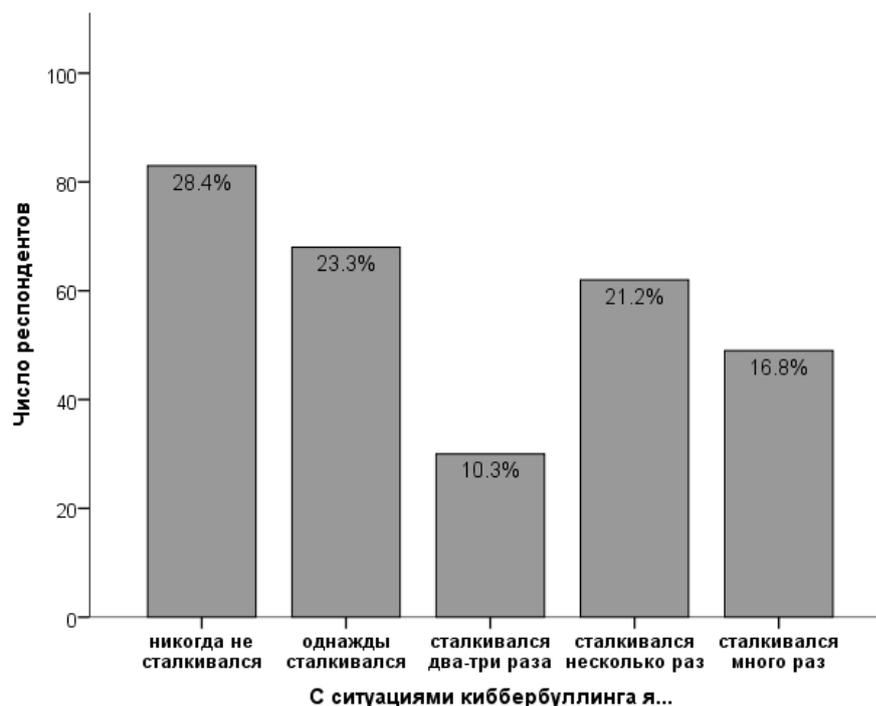

Рисунок 1 - Частота встреч с ситуациями кибербуллинга

Интересно представленное на рис. 1 распределение ответов: оно может свидетельствовать о существовании двух группы подростков, одна из которых почти не сталкивается с кибербуллингом (возможно, они мало пользуются социальными сетями, мало играют в многопользовательские игры или за нашим определением не распознали знакомые им формы кибербуллинга, например, гриферство), а для второй группы кибербуллинг - это заметное явление, что говорит либо о характеристиках их интернет-активности, либо о большей рефлексивности.

Самой распространенной формой кибербуллинга из тех, что встречаются подросткам, являются грубые или оскорбительные комментарии (рисунок 2). Нужно учитывать, что не все они могут относиться к систематическому буллингу: это могут быть и спонтанные проявления агрессивности, не направленные на последовательное причинение вреда конкретному адресату:

«Кто-то оскорблял меня в комментариях, и на стене, и в личных сообщениях»

«Кто-то обзывал меня в общей беседе класса»

Следующие по распространенности форма кибербуллинга – это грубые и оскорбительные картинки, которые очень популярны в социальных сетях и часто активно распространяются пользователями, если кажутся им смешными, и распространение слухов и сплетен. Реже всего из предложенных вариантов отмечались смс-сообщения и специально созданные для оскорблений и нанесения обиды веб-страницы: обе формы

коммуникации (в частности, кибербуллинга) постепенно теряют свою актуальность – смс сменяются перепиской в мессенджерах, а веб-страницы сменяются агрегаторами новостей в социальных сетях.

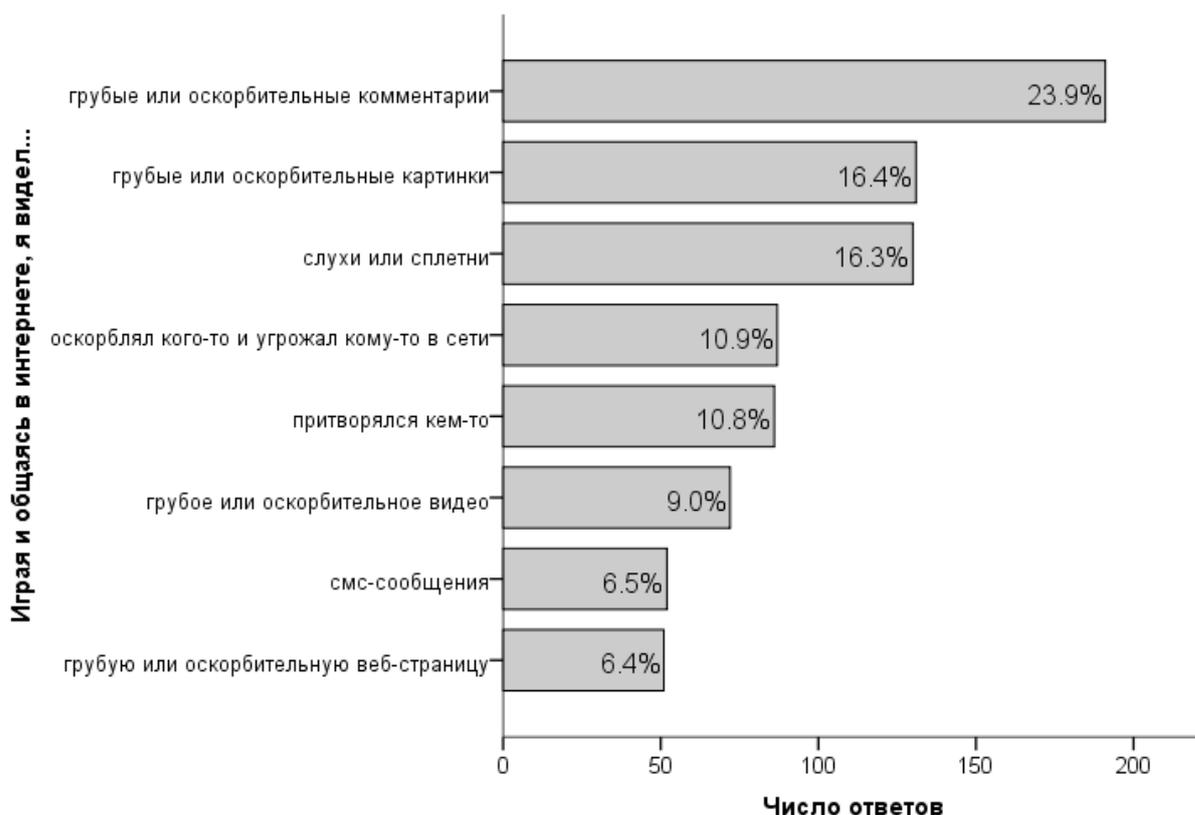

Рисунок 2 - Опыт встреч с разными формами кибербуллинга (% от всех респондентов).

Лидирующее место по возможности реализации кибербуллинга принадлежит социальным сетям – 40,3% (рисунок 3), что не удивительно, учитывая их распространенность и значимость для современных подростков, и предпочитаемых форм онлайн агрессии описанных выше. Другими широко используемыми для кибербуллинга площадками являются видеохостинг YouTube (14,6%), чаты (13,6%), также предоставляющие возможность вербальной или визуальной онлайн агрессии, и многопользовательские онлайн-игры (12,4%), что вполне соответствует данным зарубежных исследований.

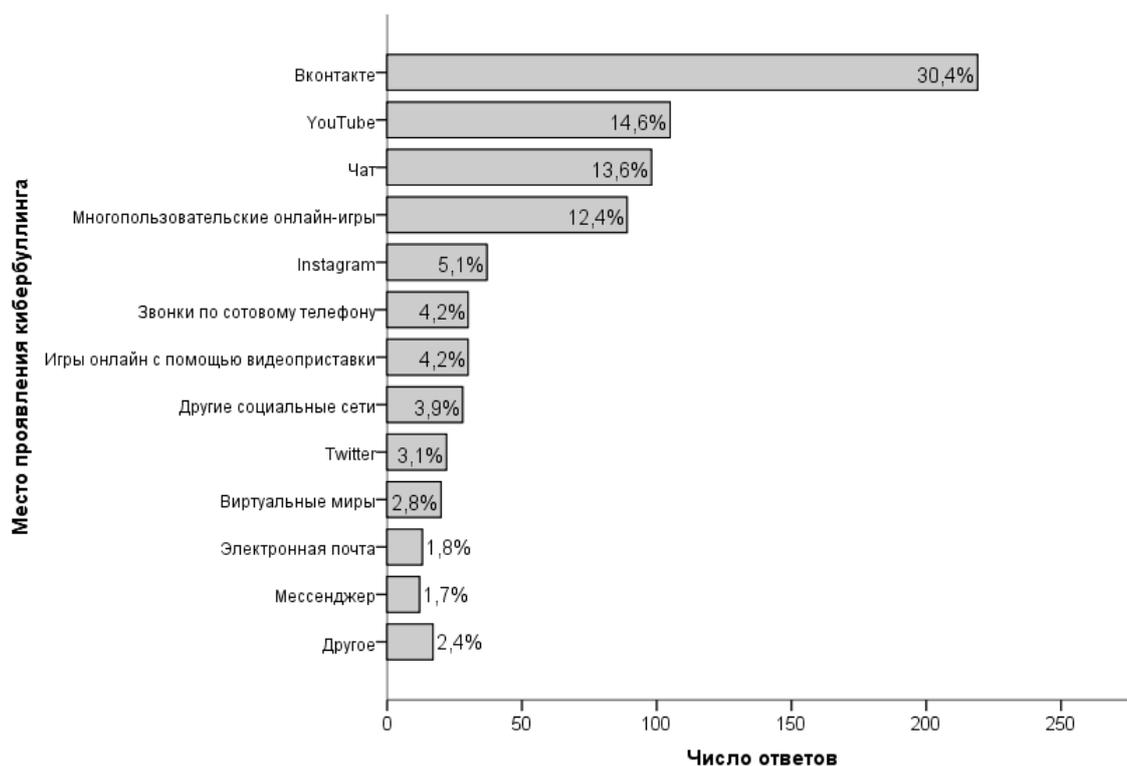

Рисунок 3 - Площадки, на которых подростки встречаются с кибербуллингом (% от всех респондентов).

Респондентов просили описать случай встречи с эпизодом кибербуллинга, и на основе этих описаний анализировались исходные ситуации; согласно ответам, почти в половине случаев проблема разрешилась благополучно благодаря действиям участников, почти в трети случаев ситуация затихла сама собой, и около четверти ситуаций не были завершены, агрессивные действия продолжались (рисунок 4). Что важно, таких описаний было получено всего 56 (при выборке в 294 человека, из которых более 70% имеют соответствующий опыт). То есть по каким-то причинам подростки затруднились описать (даже анонимно) эти ситуации. Мы предполагаем, что это может быть связано с сопутствующими негативными переживаниями (стыдом, виной, страхом, гневом и т.п.), а также с тем, что современные подростки предпочли избежать развернутых ответов на задаваемые письменно вопросы (особенности анкетной формы сбора данных).

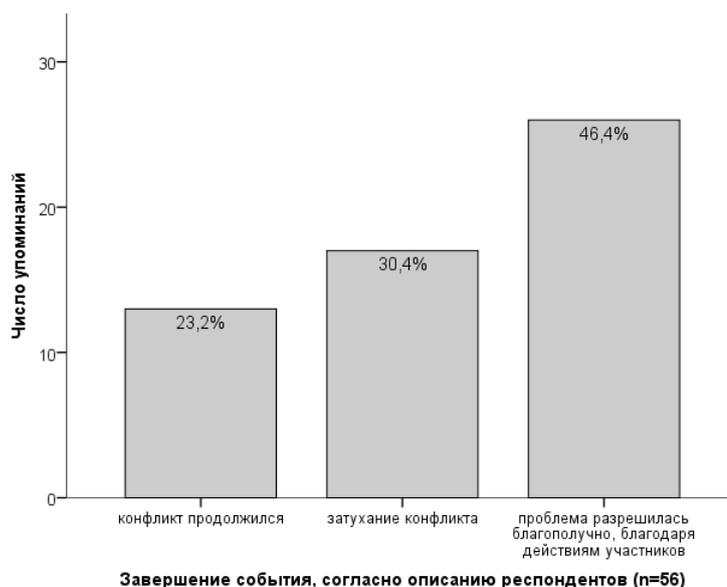

Рисунок 4 - Итоги завершения описываемой ситуации (результат контент-анализа свободного описания).

Опыт в роли жертвы

Около 68,4% респондентов сообщили, что им приходилось побывать в роли жертвы онлайн-агрессии. При этом несколько более распространенным такой опыт оказался среди юношей (рисунок5), что возможно, по причине того, что последние являются и более агрессивными, и как показано ниже высокий процент из жертв совмещает также и опыт агрессора.

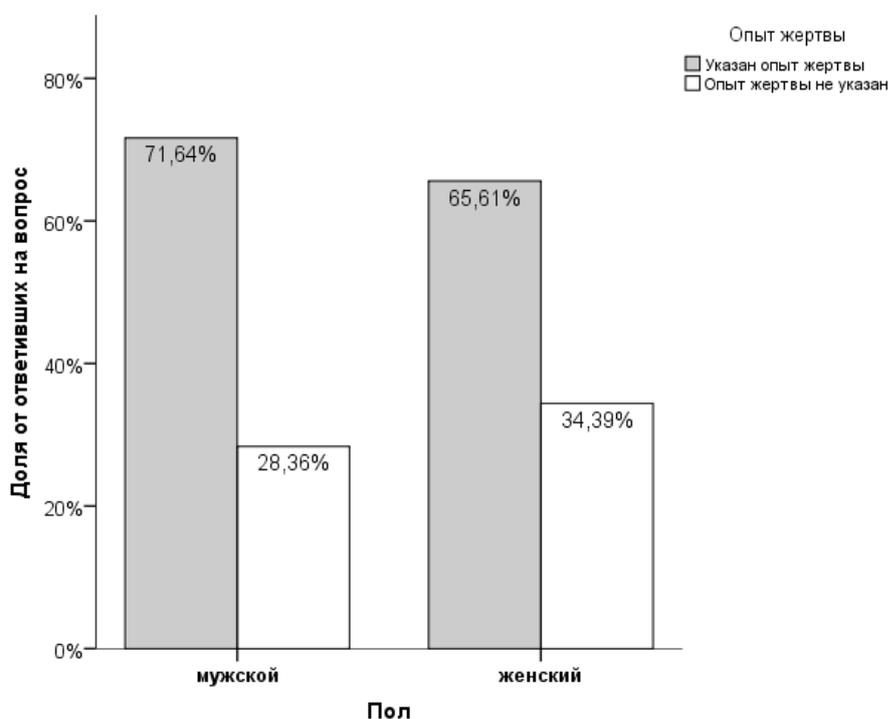

Рисунок 5- Распределение опыта жертвы буллинга по полу

Как показано на рис. 6, доля респондентов с опытом жертвы кибербуллинга примерно одинакова в каждой возрастной группе (рисунок 6).

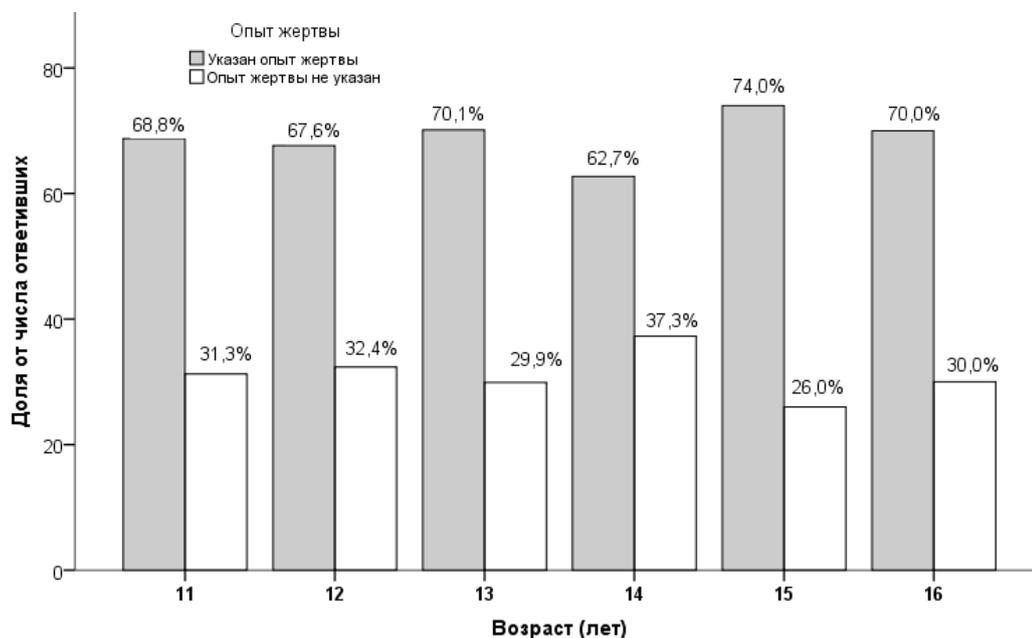

Рисунок 6 - Распределение опыта жертвы кибербуллинга по возрастным группам

Наиболее распространенными агрессивными действиями по оценке их жертв являются грубые и оскорбительные комментарии (29,4%), распространение слухов и сплетен (19,8%), прямые оскорбления и угрозы (16,7%) (рисунок 7).

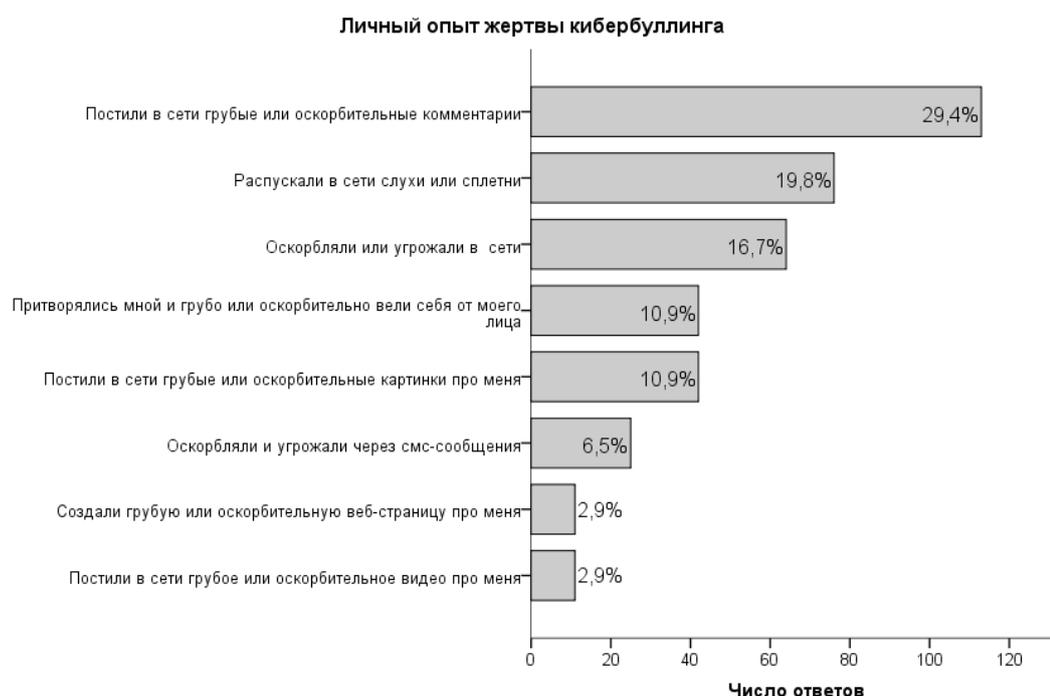

Рисунок 7 - Частота встречаемости агрессивных действий в сети по оценке жертв кибербуллинга, % от всех респондентов.

В адрес юношей несколько чаще поступают прямые угрозы и оскорбления, размещаются оскорбительные картинки и видео, специально создаются веб-страницы, а девушки несколько чаще встречаются с грубыми комментариями и слухи. Различия по указанным параметрам превышают доверительный интервал (5,7%) (табл. 1).

Таблица 1 - Гендерное сравнение агрессивных действий в отношении жертв.

Вид агрессивных действий, по оценке жертв кибербуллинга	Пол			
	мужской		Женский	
	п (чел)	Доля от мужчин	п (чел)	Доля от женщин
кто-то постил в сети грубые или оскорбительные комментарии про меня	49	51,0%	62	60,8%
кто-то постил в сети грубые или оскорбительные картинки про меня	23	24,0%	17	16,7%
кто-то постил в сети грубое или оскорбительное видео про меня	7	7,3%	3	2,9%
кто-то создал грубую или оскорбительную веб-страницу про меня	6	6,2%	4	3,9%
кто-то распускал в сети слухи или сплетни про меня	33	34,4%	42	41,2%
кто-то оскорблял меня и угрожал мне через смс-сообщения	10	10,4%	14	13,7%
кто-то оскорблял меня и угрожал мне в сети	36	37,5%	26	25,5%
кто-то притворялся мной и грубо или оскорбительно вел себя от моего лица	21	21,9%	20	19,6%

Описывая свои реакции на эпизод кибербуллинга, подростки чаще всего называли желание доказать свою правоту (23,1%) и стремление найти и отомстить обидчику (22,7%), то есть преимущественно их реакции носили стенический (активный деятельностный) характера (рисунок 8).

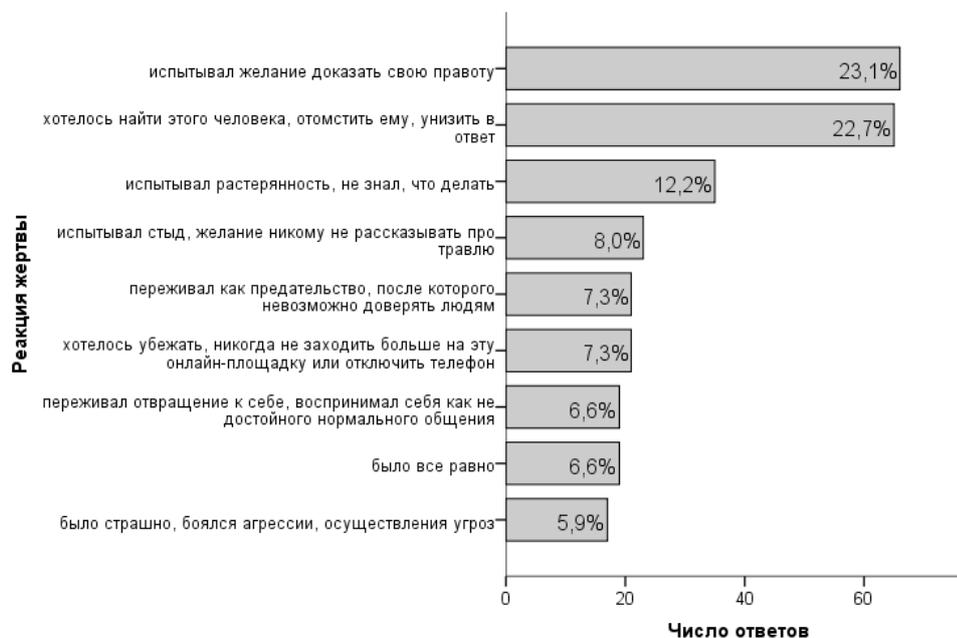

Рисунок 8 - Реакция жертв на агрессивные действия.

Очень важной темой в контексте кибербуллинга является вопрос о том, с кем можно его обсудить и к кому обратиться за помощью. Как и ожидалось, подростки тяготеют к обращению за поддержкой к сверстникам (рисунок 9), что соответствует концепции Д.Б. Эльконина о ведущем типе деятельности, которым в этом возрасте становится общение со сверстниками. И.С. Кон отмечает, что «...ни на каком другом этапе человеческой жизни роль коллектива сверстников не бывает так велика, как в юности». Популярность среди ровесников, получение их одобрения – важнейшие мотивы юношеского поведения, и если опираться именно на этот ресурс, проектируя профилактику негативных последствий кибербуллинга, тогда важным направлением профилактической деятельности со стороны педагогов и родителей должно стать обучение и формирование установок на внимание и оказание помощи друг другу в ситуациях кибербуллинга, особенно в свете того, что к родителям в этой связи обращаются за помощью в два раза реже, а к другим участникам интернет-коммуникации – в 3,5 раза реже.

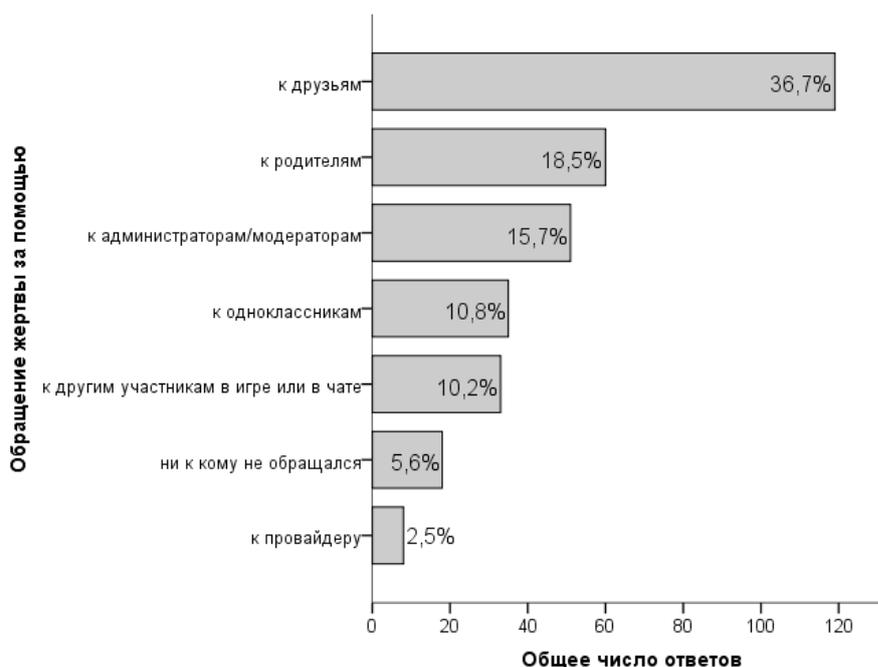

Рисунок 9 - Адресаты обращения жертв кибербуллинга за помощью.

Как показано на рис. 10, девушки, ставшие жертвой кибербуллинга, обращаются к эмоционально близким людям – друзьям и родителям. Юноши в большей степени готовы обсуждать это с другими людьми, имеющими непосредственное отношение к ситуации. Девушки предпочитают эмоционально значимых, более близких людей (друзей, но не всех одноклассников). Юноши менее озабочены приватностью (интимностью) ситуации – готовы обсуждать ее с людьми, включенными во взаимодействие (не обязательно эмоционально близкими). Как и в других трудных ситуациях межличностного общения эмоциональная близость оказалась для девушек важным фактором поиска лиц для поддержки.

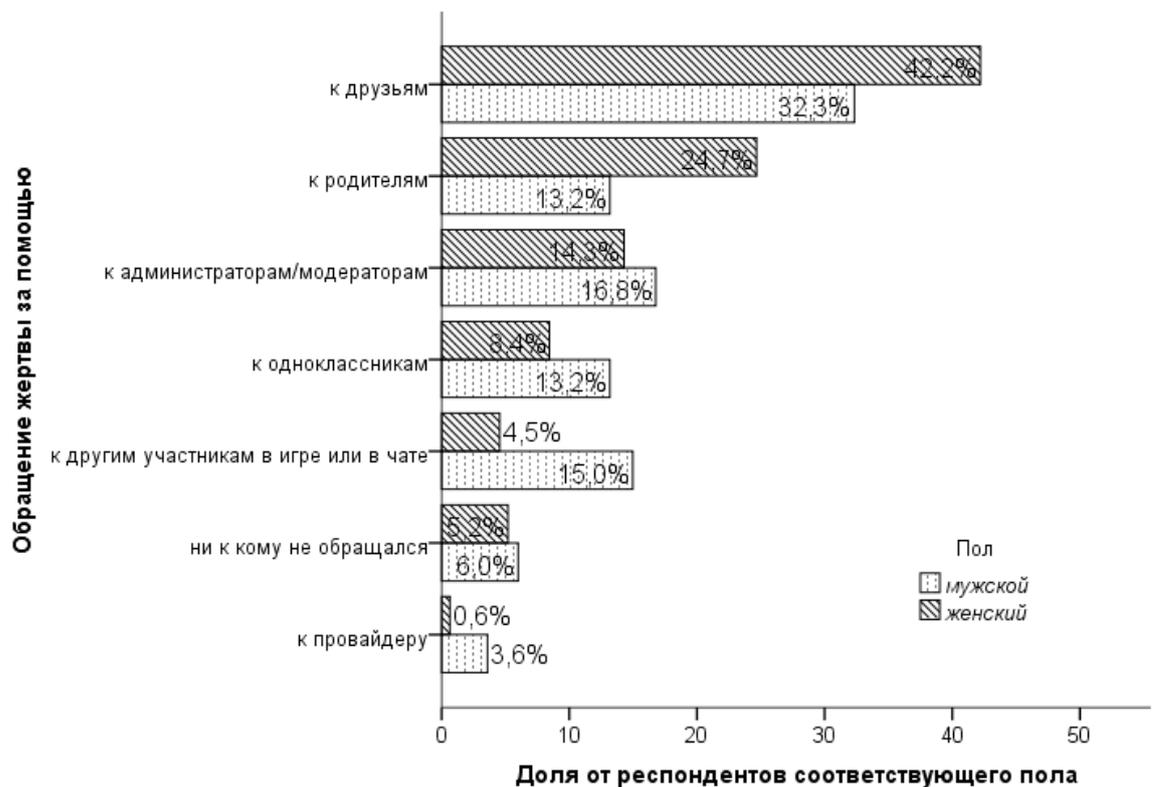

Рисунок 10 - Гендерные различия при обращении за помощью в ситуации кибербуллинга

Типичные ответные действия жертвы (рисунок 11): ответные оскорбления (26,3%), игнорирование (26,3%), исключение из общения – «бан» (22,8%). В 10% случаев жертва пытается перенести выяснение отношений в реальное взаимодействие.

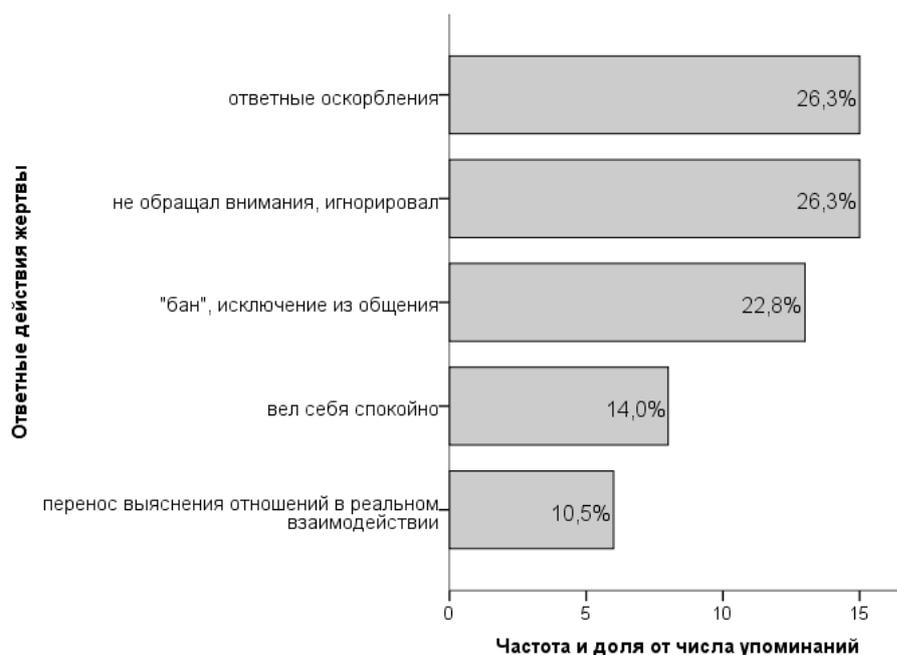

Рисунок 11 - Типичные ответные действия на агрессию онлайн (результат контент-анализа свободного описания).

Опыт в роли агрессора

О наличии опыта собственного агрессивного поведения в интернете сообщили 44,3% респондентов, при этом среди юношей эта доля больше (53,7%), нежели среди девушек (36,3%). Как и в случае с жертвами буллинга, агрессоры указали, что наиболее распространёнными видами воздействия являются (рисунок 12): грубые и оскорбительные комментарии (35,3%), распространение слухов и сплетен (16,2%), прямые оскорбления и угрозы (13,3%).

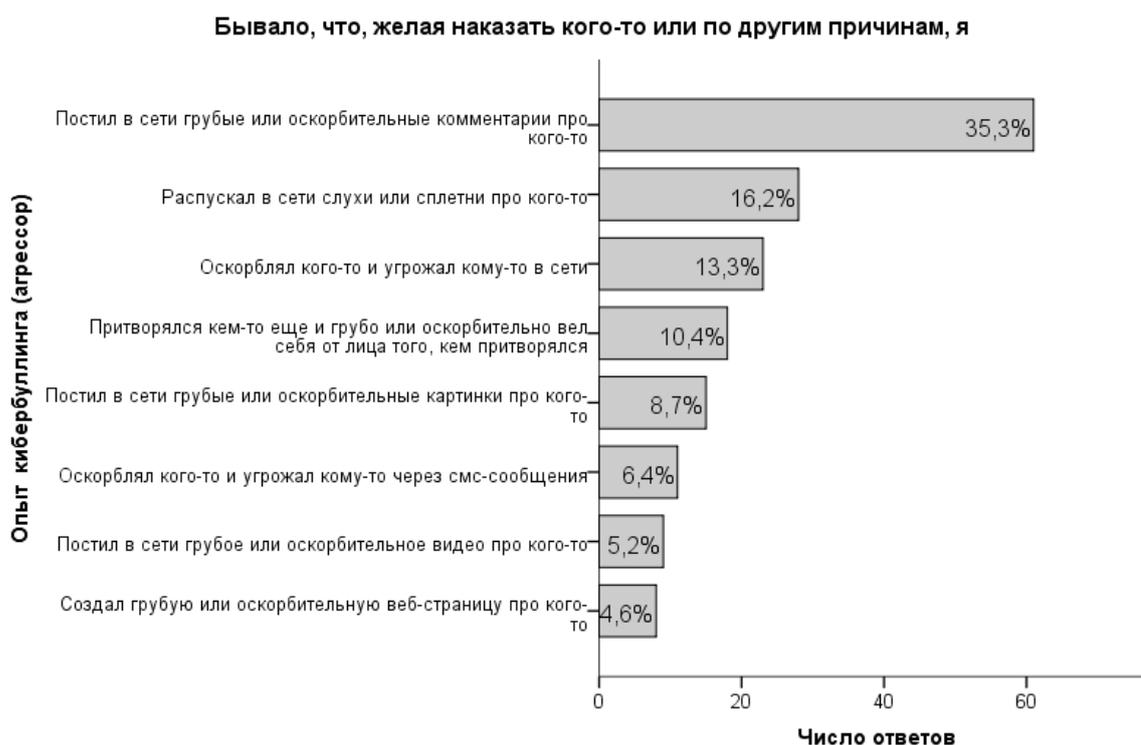

Рисунок 12 - Опыт использования разных форм кибербуллинга

Как видно из рис. 13, имеются заметные гендерные различия в методах буллинга (различия значимы по критерию хи-квадрат = 16,5 df=8, p=0,036): девушки чаще используют оскорбительные комментарии, а также слухи и сплетни; можно предположить, что, возможно, они более внимательны к таким действиям у себя и у других, тогда как юноши более толерантны к такому поведению и чаще его не замечают. Для юношей характернее целенаправленные оскорбления и угрозы, выдача себя за другого, создание оскорбительных изображений и видео, создание специальной веб-страницы – то есть либо прямые (угроза), либо технически опосредованные формы агрессии.

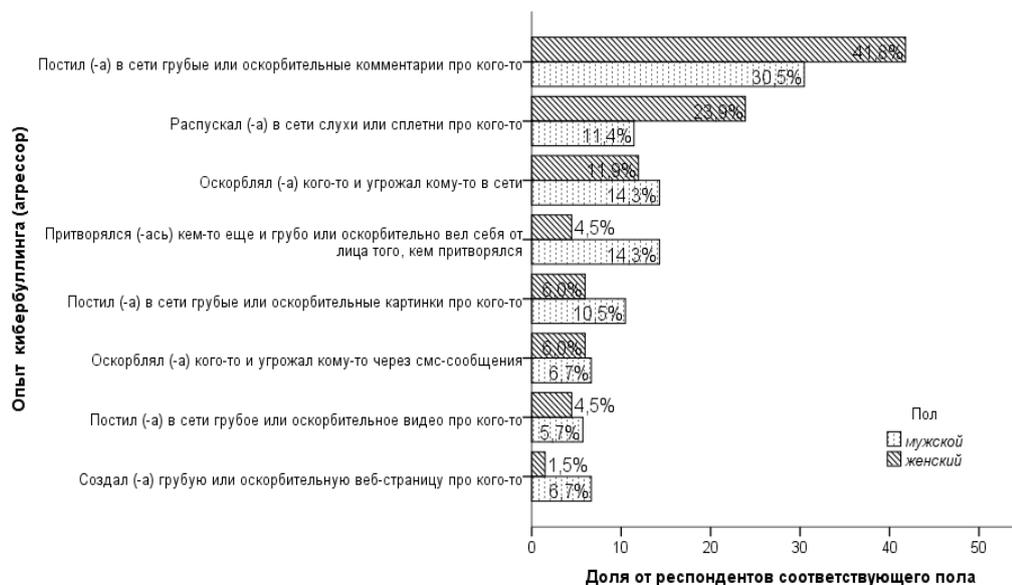

Рисунок 13 - Сравнение юношей и девушек по частоте агрессивных действий.

В самоотчетах подростков, описывающих свои переживания после осуществления кибербуллинга (рисунок 14), то только около 15% ответивших испытали удовлетворение от собственной агрессивной активности, и еще 26% ощущали свою правоту. Больше четверти ответивших продолжали злиться на того, по отношению к которому были настроены агрессивно, еще четверти становилось стыдно, и только 6,1% сообщили о том, что им было все равно. Для половины ответивших кибербуллинг оказался неудачным коммуникационным инструментом, так как осталось неудовлетворение от выражения агрессии – злость осталась, стыд появился; те, кто чувствовал себя правым – видимо, не испытали вины или стыда, но также не испытали удовлетворения; те, кому было все равно – возможно, наименее рефлексирующие респонденты, и для них, возможно, эти эпизоды оказались не очень значимыми, однако они тоже не испытали удовольствия или правоты. Если эта конфигурация ответов отражает действительные переживания подростков, то это важный ресурс с точки зрения предупреждения буллинга, поскольку подростки из собственного опыта знают, что такое поведение в основном не помогает справиться со злостью на кого-то, более того, к имеющимся негативным переживаниям может добавляться стыд. Все это говорит о том, что кибербуллинг не становится эффективным способом отреагировать злость и как-то трансформировать отношения или микроклимат в классе.

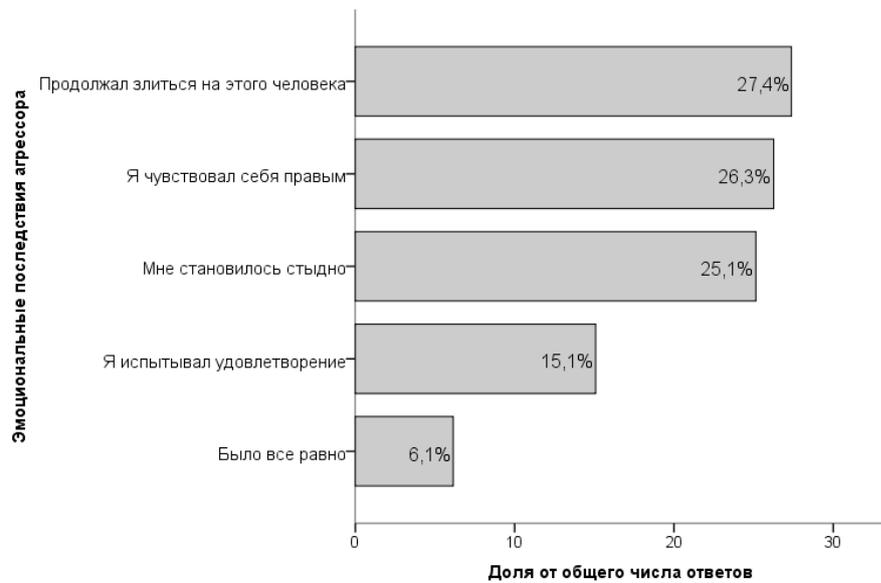

Рисунок 14 - Эмоциональные реакции подростков в роли агрессоров

Если посмотреть на различия в том, какие переживания испытывают юноши и девушки, участвуя в кибербуллинге (рисунок 15), то видно, что среди девушек больше как доля тех, кто продолжал злиться и испытывал стыд, так и тех, кто испытывал удовлетворение, а чувство собственной правоты, наоборот, несколько чаще встречалось у юношей.

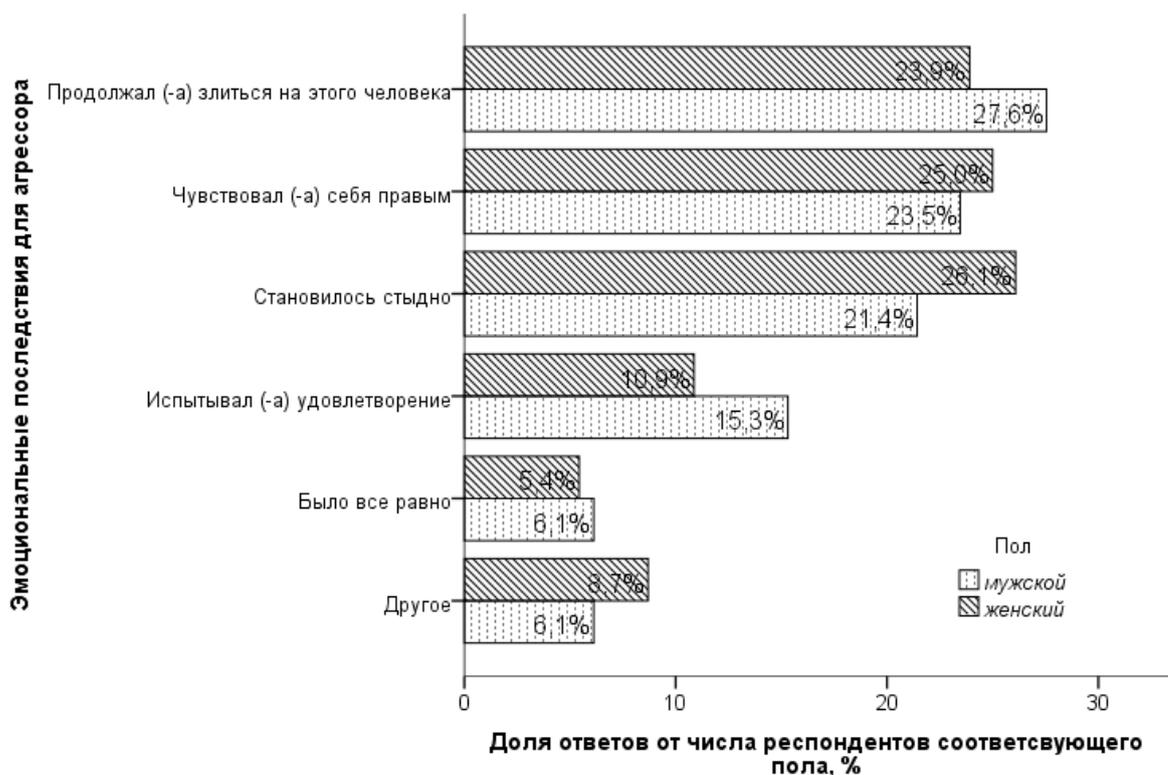

Рисунок 15 - Эмоциональные реакции юношей и девушек в роли агрессоров

Наличие собственного опыта в ролях и жертвы, и агрессора

Более 87,7% респондентов, имеющих опыт жертвы, имеют и опыт преследователей (связь статистически значима по критерию хи-квадрат, на уровне $p \leq 0,001$). Лишь 5,4% от общего числа респондентов сообщают о том, что были в роли интернет-агрессоров и не имеют опыта жертвы кибербуллинга; в то время опыт пребывания в обеих ролях имеют 38,8% (рисунок 16).

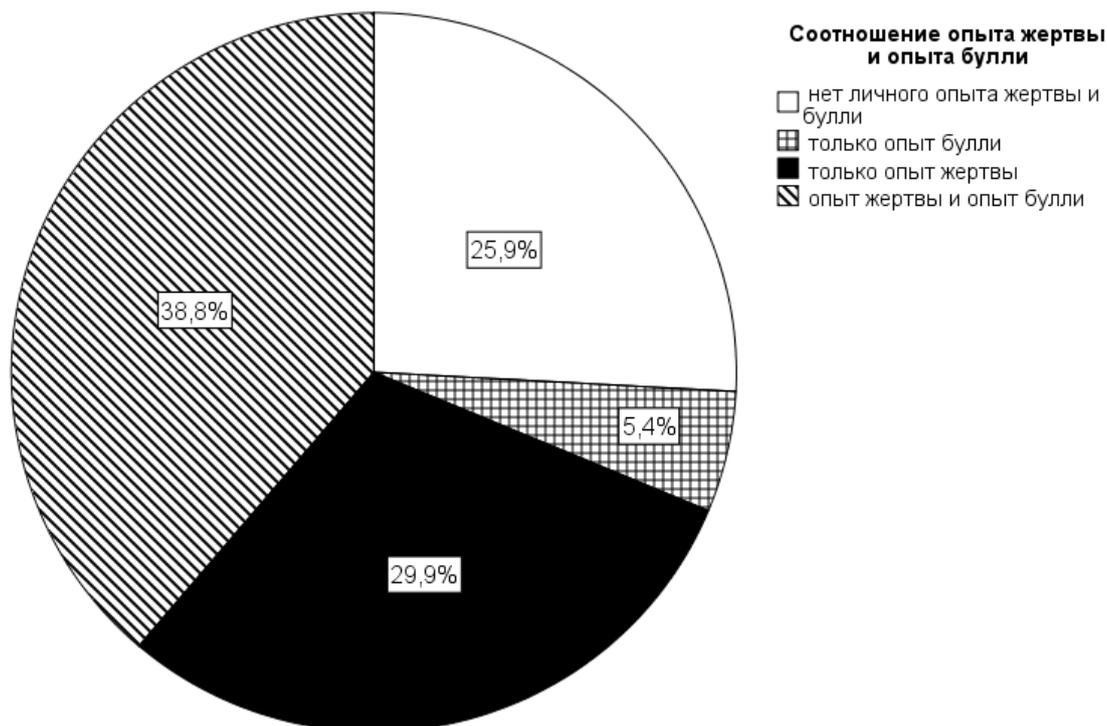

Рисунок 16 - Распределение респондентов по наличию опыта кибербуллинга в разных ролях

Примерно в 41% случаев указывается связь между событиями в «реальной жизни» и в интернете (рисунок 17): в 24,1% эпизод в интернете перешел в «реальное» пространство, и в 17,2% ответов, наоборот, ситуация очного взаимодействия переместилась в интернет. Этот результат говорит о том, что ситуации травли, агрессии в виртуальной и реальной жизни все больше пересекаются, мы рискуем предположить, что различий между этими пространствами будет все меньше в дальнейшей перспективе.

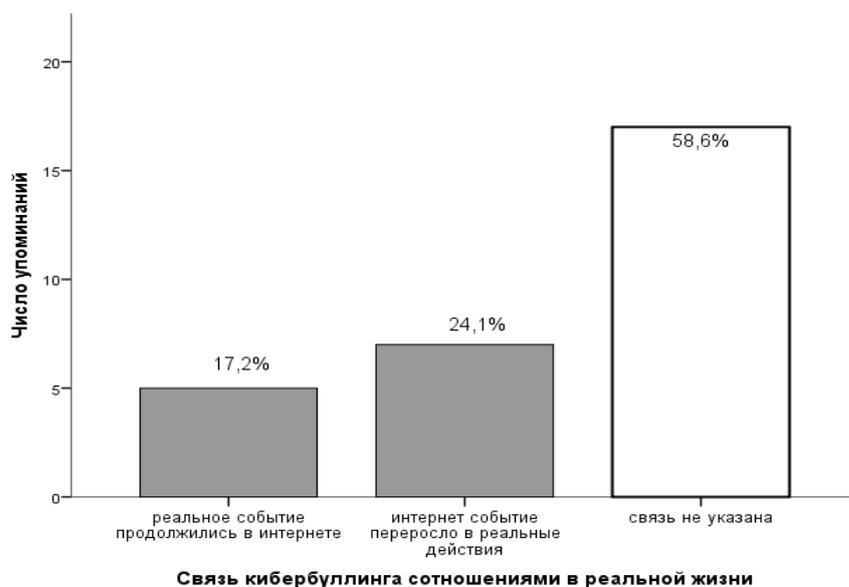

Рисунок 17 - Связь реальной и виртуальной агрессии (результат контент-анализа свободного описания)

Моральная оценка кибербуллинга

Более четверти респондентов считают кибербуллинг обычной историей, не являющейся значимой проблемой (рисунок 18).

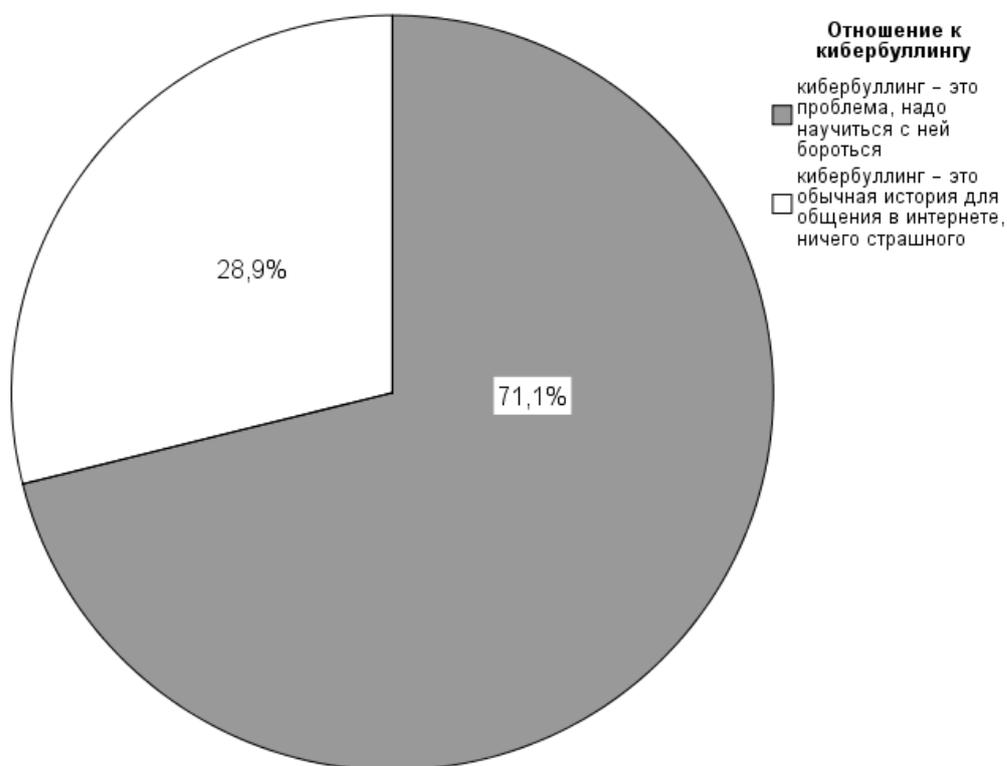

Рисунок 18 - Распределение моральных оценок кибербуллинга среди респондентов

Анализируя динамику моральных оценок кибербуллинга по мере взросления детей, можно увидеть (рисунок 19), что доля толерантных к кибербуллингу подростков, которые

считают, что это норма общения в интернете, за четыре года вырастает в четыре раза (от 8,7% в пятых классах до 37,5% в девятых). Это очень важный показатель с точки зрения как профилактических мер, так и вероятности того, что конкретный ребенок окажется в роли жертвы или агрессора в ситуациях кибербуллинга, поэтому его необходимо учитывать, обсуждая с детьми технику безопасности и этическое поведение в интернете.

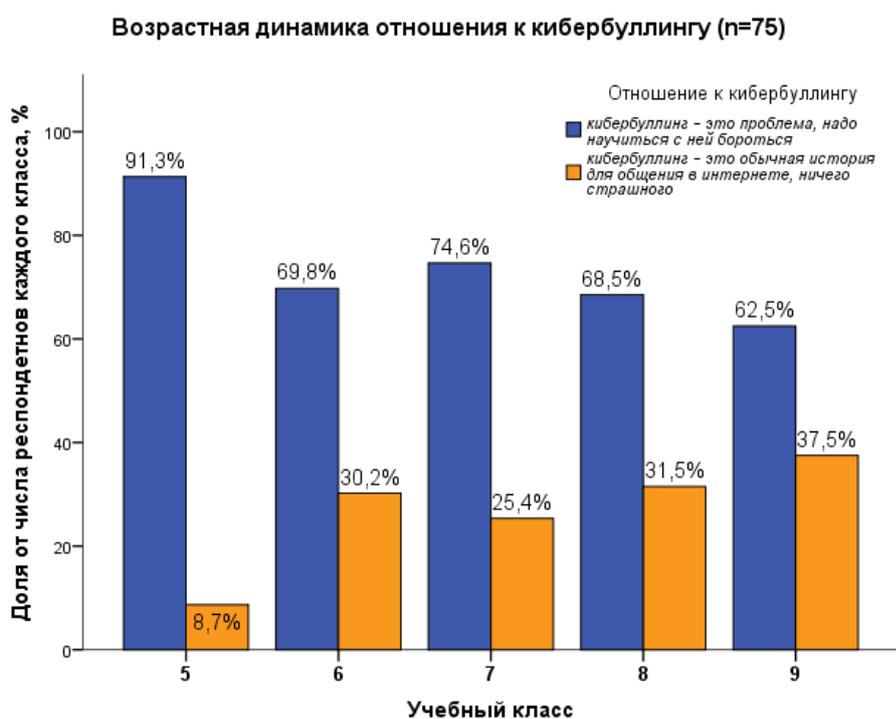

Рисунок 19 - Распределение моральных оценок кибербуллинга по классам (возрасту детей)

Тут сложно говорить о том, становятся ли подростки с возрастом толерантнее к агрессии в киберпространстве или к агрессии вообще, это требует дальнейших исследований.

Выводы

Итак, проведенное исследование позволило получить общее представление об опыте встреч современных (городских) российских подростков с кибербуллингом. Наши данные показали, что большинство (почти три четверти) опрошенных подростков сталкивались с этим явлением, и примерно для половины этот опыт не был единичным. Наиболее часто подростки сталкиваются с негативными оскорбительными комментариями, оскорбительными картинками и распространением слухов и сплетен. Важно, что большая доля детей, занимавшихся кибербуллингом, также имеют и опыт жертвы такой агрессии со стороны пользователей. Судя по ответам респондентов, кибербуллинг не является для них эффективным способом справиться с агрессией и разрешить ситуацию, и это важно с точки зрения выстраивания профилактической работы: собственный опыт подростков говорит о том, что кибербуллинг неэффективен с точки зрения получения удовлетворения и, более того, четверть отвечавших сообщила о возникновении стыда за собственные действия. Также важно, что сравнение отношения к кибербуллингу по возрастам показало отчетливую динамику повышения толерантности к кибербуллингу с возрастом: это указывает на формирование привыкания к агрессивности интернет-среды или к вербальной, коммуникационной агрессивности, и дает основания адресовать профилактические мероприятия младшим подросткам и ученикам начальной школы. Также, так как основными онлайн ресурсами в интернете являются социальные сети, то и профилактическая или поддерживающая работа по предотвращению кибербуллинга может быть осуществлена на этих площадках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. Психология: Журнал ВШЭ. 2014. Т. 11. № 3. С. 178–191
2. Новое поколение интернет-пользователей: исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн. Фев 2017 [Инсайты потребителей](https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/insights-trends/user-insights/novoe-pokolenie-internet-polzovatelei-issledovanie-privyчек-i-povedeniia-rossiiskoi-molodezhi-onlain/). <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/insights-trends/user-insights/novoe-pokolenie-internet-polzovatelei-issledovanie-privyчек-i-povedeniia-rossiiskoi-molodezhi-onlain/>
3. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю.. Цифровая компетентность подростков и родителей результаты всероссийского исследования. М., Фонд Развития Интернет, 2013. — 144 с. URL: <http://detionline.com/assets/files/research/DigitalLiteracy.pdf>
4. Anderson, M. Key trends shaping technology in 2017. Report, Dec 28 2017. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/12/28/key-trends-shaping-technology-in-2017/>
5. Bauman S., Bellmore A. New Directions in Cyberbullying. Research, Journal of School Violence, 2015, 14:1, 1-10.
6. School violence and bullying: Global status report. 2017. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002469/246970e.pdf>
7. Hinduja, S. & Patchin, J. W. (2015). Bullying Beyond the Schoolyard: Preventing and Responding to Cyberbullying (2nd edition). Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
8. Hinduja, S. & Patchin, J. W. (2018). Cyberbullying: Identification, Prevention, & Response. URL: <https://cyberbullying.org/Cyberbullying-Identification-Prevention-Response-2018.pdf>
9. Kowalski R.M., Limber S.P., Agatston P.W. Cyberbullying: Bullying in the digital age. 2nd ed. Wiley-Blackwell, 2011.
10. [LENHART](#) A., [MADDEN](#) M., [SMITH](#) A., [PURCELL](#) K., [ZICKUHR](#) K., Rainie L. Teens, kindness and cruelty on social network sites: How American teens navigate the new world of digital citizenship. Report. Nov 9, 2011. URL: <http://www.pewinternet.org/2011/11/09/teens-kindness-and-cruelty-on-social-network-sites/>
11. Кон И.С. Социологическая психология. –М.; Воронеж, 1999. С. 173-175.
12. Hinduja S, Patchin JW. Bullying, cyberbullying, and suicide. Arch Suicide Res. 2010;14(3):206–21.
13. Bauman S, Toomey RB, Walker JL. Associations among bullying, cyberbullying, and suicide in high school students. J Adolesc. 2013;36(2):341–50.

14. Sinclair KO, Bauman S, Poteat VP, Koenig B, Russell ST. Cyber and bias-based harassment: associations with academic, substance use, and mental health problems. *J Adolesc Health* 2012;50(5):521–3.
15. Litwiller BJ, Brausch AM. Cyber bullying and physical bullying in adolescent suicide: the role of violent behavior and substance use. *J Youth Adolesc.* 2013;42(5):675–84.
16. Hinduja S, Patchin JW. Cyberbullying: an exploratory analysis of factors related to offending and victimization. *Deviant Behav.* 2008;29(2):129–56.
17. Sourander A, Klomek AB, Ikonen M, Lindroos J, Luntamo T, Koskelainen M et al. Psychosocial risk factors associated with cyberbullying among adolescents: a population-based study. *Arch Gen Psychiatry* 2010;67(7):720–8.
18. Неравенства в период взросления: гендерные и социально-экономические различия в показателях здоровья и благополучия детей и подростков. Исследование “Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья” (HBSC): Международный отчет по результатам исследования 2013/2014 гг. Политика здравоохранения в отношении детей и подростков, № 7. Всемирная организация здравоохранения, 2016. URL: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0016/331711/HSBC-No.7-Growing-up-unequal-Full-Report-ru.pdf
19. Федунина Н.Ю. Представления о триаде «Преследователь – жертва – наблюдатель» в кибербуллинге в англоязычной литературе. *Психологические исследования*, 2015, 8(41), 11.
20. Price D., Green D., Spears B., Scrimgeour M., Barnes A., Geer R., Johnson B. A qualitative exploration of cyber-bystanders and moral engagement. *Australian Journal of Guidance and Counselling*, 2014, 24(1), 1–17.
21. Bastiaensens S., Vandebosch H., Poels K., Van Cleemput K., DeSmet A., De Bourdeaudhuij I. ‘Can I afford to help?’ How affordances of communication modalities guide bystanders' helping intentions towards harassment on social network sites. *Behaviour and Information Technology*, 2015, 34(4), 425–435.